

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

СТАРАЯ РАНА

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художника *В. Шербакова*

Иллюстрация на суперобложке художника *В. Петелина*

Серия основана в 1993 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Старая рана / Николай Леонов, Алексей Макеев. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Черная
кошка).

ISBN 978-5-699-86683-0

При загадочных обстоятельствах погибает Регина Берестова, дочь влиятельного чиновника, работавшая в Роспотребнадзоре. Полковники МУРа Гуров и Крячко с присущей им хваткой начинают расследовать очередное громкое дело. Проверка профессиональной деятельности Берестовой не дает результатов. Еще немного, и следствие зайдет в тупик. Опытный Гуров решает искать в другом направлении. Он прорабатывает личное окружение погибшей чиновницы и, к своему удивлению, узнает целый ряд пикантных подробностей из ее прошлого. Некоторые из них действительно могли стоить Регине жизни...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86683-0

© Леонова О.М., 2016

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Старая рана

РОМАН

Глава 1

Будильник звякнул и тут же умолк, выключенный накрывшей его сверху рукой Вадима. Через пару секунд из соседней комнаты послышалось шевеление, а затем удаляющиеся шлепанье тапочек. Регина приоткрыла глаза, увидела мутную пелену слабо пробивающегося февральского утра и перевернулась на другой бок. Можно было спать еще целый час — муж уходил на работу раньше ее, и это утреннее время было в ее распоряжении.

Дверь приоткрылась, в спальню заглянул супруг. Регина сделала вид, что спит. Вот чего он сюда просовывается каждое утро? Проверяет, что ли? Сейчас уйдет, а дверь снова будет закрыта!

Так и вышло: сквозь оставшуюся открытой дверь доносился шум льющейся воды из ванной — Вадим принимал душ. Он делал это каждое утро и каждый вечер, и Регину это жутко раздражало. Впрочем, ее вообще все раздражало в муже, и в первую очередь то, что это ее муж. Так что любые действия Вадима были обречены на непонимание и неприятие.

Сегодня он, к примеру, снова не закрыл дверь в спальню жены, и сон Регины был потревожен явственно доносившимися через нее звуками. Она никак не могла снова заснуть и злилась из-за этого на Вадима.

Щелкнула ручка двери ванной комнаты, и Регина увидела, как муж выходит из нее, обернутый полотенцем. Сейчас он отправится на кухню, станет готовить завтрак и обязательно будет шуметь. Он шумел каждое утро, кроме, наверное,

субботы и воскресенья, своих выходных. Впрочем, как себя вел Вадим в выходные, Регина не знала, поскольку с пятницы вечера уезжала за город — там был семейный дом, а Вадима оставляла вместе с сыном, аргументируя это тем, что ребенку нужно полноценно проводить время с вечно занятым на работе отцом хотя бы два раза в неделю.

То, что с матерью при этом он полноценно не проводит время вовсе, ее совершенно не беспокоило — она выполняла свои материнские функции «на отлично»: ребенок был определен в престижную гимназию с пансионом. Правда, на пятидневное нахождение сына в стенах гимназии Регина все же не согласилась, но ежедневно до пяти вечера он был там. Кроме того, к мальчику была приставлена няня, которая забирала его из гимназии — в двух остановках от дома, можно и пешком пройтись, к тому же для здоровья полезно, — приводила домой, кормила ужином и отводила в бассейн, откуда его после работы забирал Вадим и привозил домой в восемь вечера. Регина, возвращаясь в шесть, имела собственное пространство и время в виде этих двух часов, которые принадлежали только ей.

Затем следовал дежурный материнский поцелуй со столь же дежурным вопросом «как дела?» и неизменное «нормально!», после чего сын отправлялся в свою комнату и садился за компьютер, а Регина с чувством выполненного долга ложилась на диван в своей спальне. Так длилось до выходных, в которые обязанность общения с сыном возлагалась на Вадима.

Сын Егорка, семилетний шустрый пацан, с отцом оставался охотно и за город с матерью не просился. Ему вообще, как казалось Регине, было с ней не слишком интересно. Впрочем, она не страдала от разлуки с сыном и в выходные. К бабушке Егор тоже не выражал желания поехать: он достаточно общался с ней в течение недели, в те дни, когда бассейна не было, няня на такси отвозила его к матери Регины.

Иногда по выходным забирал внука дед, отец Регины. Он имел довольно неплохой чин в Департаменте городского имущества Москвы, то есть был человеком занятым, но единственного внука обожал и его пребыванию у них дома был

только рад. Словом, все были довольны. Не столь явно это довольство выразалось у Вадима, но его мнения спрашивать в семье Берестовых не привыкли.

Из прихожей донеслось монотонное жужжание. Регина знала: это Вадим бреется, пока варится кофе. Он всегда брился электробритвой, и это тоже ее бесило. Каждое утро, слушая этот мерное жужжание, она ощущала себя в стоматологическом кресле и морщилась, словно от реальной боли.

Сцепив зубы, Регина сдержалась, не стала подниматься. Все равно бесполезно, Вадим небритым на службу не поедет. Эти его педантичность, скрупулезность, аккуратность — качества, изначально считающиеся положительными, — навязли у Регины в зубах, словно переваренная каша. Она мучительно считала минуты, когда муж уберется и наступит долгожданная тишина.

Наконец звук стих — Вадим выдернул провод и вернулся в кухню. Но тише не стало: раздался металлический звон, а затем грохот и звук разбитого стекла. Этого Регина уже стерпеть не смогла. Резко вскочив, она направилась в кухню прямо босиком.

Вадим в растерянности стоял посреди кухни, у стола валялась разбитая сахарница.

— У тебя что, руки кривые? — процедила Регина, с ненавистью глядя на мужа.

— Прости, случайно из рук выскользнула, — оправдываясь, произнес Вадим и, взявшись за веник, принялся сметать просыпавшийся сахар.

Регина следила за действиями мужа с крайним неодобрением на лице. Не выдержав, выхватила веник у него из рук:

— Что ты им возишь! Размажешь только, полы будут липкие!

— Но надо же убрать, — заметил Вадим.

— Сама уберу! — Она пошла в ванную за шваброй, вернувшись, принялась возить ею по полу.

Вадим, пожав плечами, налил себе кофе и стал торопливо пить, поглядывая на часы. Он уже опаздывал. Но Регине с утра все было не так.

— Что ты стоишь на дороге! — подтолкнула она его локтем.

Вадим отошел в сторону, но Регина тут же пригвоздила его резким окриком:

— Куда! Растопчешь по всей кухне!

Поставив недопитую чашку на стол, Вадим снял тапочки и вышел из кухни в прихожую, обувая ботинки. Регина не могла допустить, чтобы он так легко отделался. Отшвырнув швабру, она вышла вслед за ним и, скрестив руки на груди, наблюдала, как муж зашнуровывает ботинки. Вадим молчал, и это выводило Регину из себя. Собственно, этим можно было бы и исчерпать инцидент, не стоивший выеденного яйца, но ее уже несло. Она не могла смотреть, как муж, грубо нарушивший покой в ее доме — квартиру, в которой они жили, Регина считала исключительно своей, — сейчас преспокойно обуется и уйдет, оставив ее одну наедине с загаженной кухней, разбитой сахарницей и испорченным настроением.

Все это было не страшно: через час придет домработница, соберет осколки, тщательно вымоет пол и купит новую сахарницу, а то и целый сервиз, но мысль о том, что муж легко отделяется, что все ему как с гуся вода, не давала Регине рассуждать здраво. Рядом с мужем она вообще была лишена этой способности, действовала исключительно на эмоциях и исключительно негативных.

— И что, ты вот так и оставишь меня одну разгребать сви-нарник, который сам устроил? — повысила она голос.

— Ты сама сказала, что я делаю не так, — не поднимая головы, ответил Вадим, завязывая шнурок.

— А ты сделай так! — не отставала Регина. — Хоть что-нибудь ты можешь сделать, как нормальный мужик?

Вадим не ответил. Она же продолжала свою обличительную речь, обращаясь к его затылку и стараясь унижить мужа посильнее. Вадим не реагировал. Он закончил манипуляции со шнурками, выпрямился и, глядя прямо в глаза Регине, произнес:

— Как я мечтаю, чтобы ты исчезла куда-нибудь.

Регина, продолжавшая что-то говорить, захлебнулась последней фразой, выражение ее лица стало меняться со злого на изумленное. Вадим никогда не разговаривал с ней в по-

добном тоне. Она — да, могла и похлеще что-нибудь сказать или обозвать. Он же держался спокойно, и из-за этого ее начинало колотить от злости.

— Что ты сказал? — проговорила она, уверенная, что Вадим сейчас начнет просить прощения, ссылаясь на то, что ляпнул, не подумав, либо скажет, что это была неудачная шутка. Но Вадим, со своим привычным спокойствием и новоприобретенным — откуда только! — мужеством, не отводя взгляда, повторил:

— Мечтаю прийти когда-нибудь домой — а тебя нет. Вообще. Нигде. И, знаешь, так радостно сразу на душе становится.

— Что-о-о?! — задохнулась от гнева Регина. — Ты... Ты смерти моей желаешь?

— Нет. Я сказал — исчезла бы. Не знаю куда. Просто испарилась бы. И может быть, тебе там будет гораздо лучше, чем здесь сейчас.

Он повернулся и взялся за ручку двери, собираясь уйти. Регина в это время не слишком успешно пыталась прийти в себя. Вадим уже шагнул за порог, и тут она бросилась за ним, в одно мгновение по-кошачьи вцепилась в воротник куртки и, потянув на себя, протянула:

— Ну, не-е-ет! Теперь я тебя точно не отпущу! Ты, значит, вон какие мысли на мой счет держишь? Ты от меня избавиться хочешь? Ах, ты... — Она не могла подобрать подходящего слова — кажется, впервые в жизни.

Вадим физически был сильнее и вполне мог вырваться, но по выражению лица жены понял, что сейчас вполне может разразиться скандал. А афишировать проблемы в отношениях перед соседями ему совсем не хотелось, равно как и самой Регине, привыкшей на виду соблюдать комильфо. Он не стал сопротивляться, а резко шагнул в квартиру, захлопнув дверь. Регина, не ожидавшая такого напора, отшатнулась и чуть не упала, ухватившись за стойку вешалки. Та покачнулась, сверху упали шарф и шапка.

— Ты что творишь? — прошипела она. — А ну-ка, подними сейчас же!

Вадим, игнорируя ее приказной тон, склонился прямо к лицу Регины, заглянул в смотревшие на него с нескрываемой ненавистью глаза и четко произнес:

— Это конец. Хватит. Я с тобой развожусь.

— Что-о-о? Что ты сказал? Ты — со мной? Ха-ха-ха! — рассмеялась она злым смехом. — Ты со мной разведешься? Ты что, парень? Ничего не перепутал? Так и не понял за восемь лет? Здесь все решаю я, понятно? Как я скажу — так и будет! Поэтому давай быстренько попроси прощения, принай, что был плохим мальчиком и больше не будешь говорить ерунды. А вечером принесешь букет цветов, и тогда — может быть! — ты будешь прощен. Ну?

Регина смотрела на Вадима, уверенная в своем превосходстве. Никогда он не посмеет ее послушаться. Однако Вадима сегодня будто подменили.

— Я. С тобой. Развожусь, — отдельно повторил он. — Хватит продолжать этот бессмысленный союз.

— Ты что? Ты это серьезно? — медленно проговорила Регина. — Ты вообще соображаешь, что говоришь?

— Отлично соображаю, — кивнул Вадим. — Не соображал раньше, когда продолжал с тобой жить по инерции. А теперь все.

— Вадик! — Она уже и забыла, когда обращалась к мужу по имени. — Мне все-таки кажется, что ты нездоров.

— Нет, со мной все в порядке, Регина! — Вадиму показалось, что жена, оглушенная новостью, смягчилась и отставила в сторону свой привычный командный тон. Он подумал, что сейчас с ней в кои-то веки можно поговорить нормально и спокойно, и убеждающе заговорил: — Ну, подумай сама — зачем нам сохранять этот брак? Мы же живем как кошка с собакой, вечная ругань, Егор на все это смотрит. Он скоро начнет все понимать, его это озлобит, у него может сложиться неправильная модель семьи. Так для всех будет лучше, и для тебя тоже. Тебе-то зачем брак со мной? Ты же меня не любишь и даже не делаешь вид. А так... Тебе всего двадцать восемь, ты успешна и вполне можешь создать новую семью, в которой будешь счастлива.

Регина молча слушала, и Вадиму в какой-то момент даже стало жаль ее. Он протянул руку, чтобы погладить Регину по плечу, но та резко ее отбросила. Сверкнула на Вадима холодными серыми глазами и сказала:

— Значит, так. Никакого развода ты не получишь. Если у тебя хватит ума все-таки подать на него, ты об этом будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Рассчитываешь урвать свой кусок? А вот шиш тебе! Ничего, ни единой вещи из этой квартиры ты не получишь! И самой квартиры тоже! Машину папа у тебя тоже отберет, будешь на метро ездить, как лох последний! С работы у папы тоже вылетишь, на деньги вообще не рассчитывай! — Регина заводилась все больше и больше, придумывая очередное лишение для мужа. — Ни копейки из накопленного не увидишь, я тебя голым оставлю, до нитки всего оберу! Ты потом еще с адвокатами всю оставшуюся жизнь будешь расплачиваться! Да, и про Егора забудь! Сына вообще больше никогда не увидишь!

— Как это характерно для тебя, что о сыне ты вспомнила в последнюю очередь, — горько усмехнулся Вадим. — А я-то подумал, что с тобой можно нормально разговаривать. А теперь послушай меня. Твои угрозы мне безразличны, я сделаю так, как решил. И насчет ребенка не обольщайся: он такой же твой сын, как и мой, и свои интересы я защищу, даже если их придется отстаивать в суде.

— Ни один суд не пойдет против меня! — выкрикнула Регина.

— Против твоего папы, хочешь сказать? По счастью, отец твой куда адекватнее и порядочнее, чем ты. И хватит меня запугивать. Все, прощай!

Вадим решительно отпер дверь и вышел из квартиры. Регина метнулась было за ним, но из второй квартиры бокса как раз выходила соседка, и она, приклеив на лицо улыбку, фальшиво поздоровалась, а когда соседка прошла в лифт, Вадима уже не было. Он спускался по лестнице, и до Регины доносился лишь звук его ботинок.

Постояв несколько секунд, она захлопнула дверь. Машинально прошла в ванную и принялась чистить зубы. Поймав себя на том, что занимается этим уже десять минут, раздра-

женно сполоснула щетку и сунула ее в стакан. Пройдя в кухню, включила чайник. Неубранный сахар хрустел под ногами, тапочки прилипали к полу, но Регине было на это наплевать. Она яростно размешивала несладкий кофе в чашке, по ходу придумывая, какие кары обрушит на голову мужа. Потом поняла, что это неконструктивно. Развода ни в коем случае допустить нельзя, нужно вправить Вадиму мозги.

Так, что делать? Первым делом поговорить с папой, он его быстро приструнит. Усовестит, напомним о Егоре, об отцовском долге и прочем. Вадим всегда легко поддавался чувству вины, и на этом нужно было сыграть. Дальше. Сказать папе, чтобы отобрал у него машину и лишил премии. За весь квартал. И — временно выселить из квартиры. Пусть покрутится! Ничего, это на словах разглагольствовать легко, а попробуй на деле пожить как нищий, на зарплату, без машины, без папиной поддержки. К атрибутам роскошной жизни путь короткий, а вот обратно куда длиннее. Вадик, привыкший к элитному обслуживанию, быстро сдуется. Сам приползет, еще и прощения просить будет. Ничего, ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет!

Немного успокоив себя таким образом, Регина пошла в прихожую. Быстро нарядилась перед зеркалом, обула сапожки, натянула шубу — роскошную серебристую норку, подарок отца на день рождения, — осмотрела себя в зеркало. Что и говорить, хороша!

Она не была красивой. Пожалуй, даже симпатичной ее трудно было назвать: черты лица заурядные, нос длинноват, подбородок острый... Но природные внешние данные Регина на первое место не ставила. Хороша — это значит эффектна. Дорогая одежда, фирменные аксессуары, украшения — все должно быть на высшем уровне. Вот это показатель класса, а не какая-то там смазливая мордашка и ноги от ушей. Главное — во что это все упаковано. А упаковка у Регины была в полном порядке.

Недаром все сослуживицы завидуют. Хоть и имеют на службе приличную прибавку к окладу, а где им угнаться за папой-чиновником! Зависть коллег была для Регины главным показателем успешности и состоятельности ее как жен-

щины. Внимание мужчин — не в счет. К мужчинам она вообще была довольно холодна и сдержанна. Считая их заведомо ниже как класс, относилась даже с легким презрением. Впрочем, особого внимания со стороны презренного «сильного пола» в отношении себя она и не слишком наблюдала. Регина держалась надменно, отстраненно, к тому же никому не хотелось связываться с дочкой чиновника департамента имущества, вдобавок замужней. Но Регина от этого и не страдала — она спокойно обходилась без мужчин, даже почти полное отсутствие физической близости с мужем ее не напрягало.

«А ведь это, наверное, неправильно», — неожиданно возникла откуда-то из глубин подсознания мысль. Регина еще раз оглядела себя в зеркало. Она еще молода, выглядит сногшибательно, на что уходит ее жизнь? Вроде бы все есть, а в то же время, по сути, она задыхается от скуки и неудовлетворенности — что на своей неинтересной, но доходной службе, что дома, рядом с опостылевшим нелюбимым мужем. Она уже не помнила, когда чувствовала себя счастливой. Все было не то и не так, все! Даже деньги, к которым Регина питала любовь и уважение, не приносили удовлетворения. Да, проблемы решали, и без них было бы куда хуже, а все-таки...

Но что можно изменить? Завести любовника? На какое-то время спасет от рутины, конечно. Поначалу. Но только быстро приестся. Да и где его взять?

Нет, просто мужика найти — это только свистни, сразу найдутся желающие. Но абы кого не хотелось. Регина с отвращением представила, что возле нее будет виться абсолютно чужой незнакомый мужчина, станет прикасаться к ней, целовать — тьфу! Она была брезглива, и ничего, кроме этого чувства, мужчины у нее не вызывали. Во всяком случае, те, что находились в поле ее зрения. Себя она считала созданием исключительным, и мужчина рядом с ней должен был быть исключительный. А получилось — Вадим...

Конечно, не его ей хотелось видеть рядом с собой. Но перед свадьбой ей некогда было об этом задумываться — добрачная беременность торопила, ставила в тесные рамки. Родить же без мужа Регина не могла себе позволить — обще-